

Дождливый, пасмурный день.

Небо заволокло свинцовыми тучами, свет в комнатах стоял тусклый и мрачный, а за окном занудно и бесконечно барабанил дождь. С каждым днём становилось всё холоднее, а стоило пойти дождю, как пронизывающий холод становился и вовсе невыносимым. Семья поспешно куталась в плотные, тёплые одежды, и только тогда липкая сырость немного отступала.

Даже собака не желала высовывать нос на улицу. Она устроилась в главном зале прямо возле своей миски с едой, свернувшись калачиком. Лениво повиливая хвостом, пёс с недовольной миной поглядывал на дверь, словно дождь за окном нагонял на него нешуточную тоску.

Сырой осенний дождь приносил с собой щемящую прохладу. Старики попрятались по комнатам, укутав ноги тёплыми одеялами; перекинувшись парой житейских фраз, они то и дело погружались в долгое, молчаливое забытие.

В доме царил полумрак, зажигать масляную лампу днём было накладно и жалко, а у Доу Цзиньхуа к тому же испортилось зрение, так что она забросила всякую работу. Наводящий тоску осенний дождь навевал уныние, и казалось, будто даже воспоминания под его монотонный стук окрашивались в печальные тона.

Западный флигель.

Чанся маленькой деревянной ложечкой достал из баночки медовый финик. Янтарный плод выглядел невероятно аппетитно и сладко.

Несколько дней назад на ярмарке Пэй Яо дал ему денег, и их хватило не только на сверток пастилы из боярышника, но и на небольшой кулёк золотистых медовых фиников, за которые они отдали тридцать шесть вэней. Финики были очень сладкими, но поскольку он купил маленький кулёк за двадцать вэней, а не большой, то после того, как он угостил всю семью, у него самого осталось всего штук семь-восемь. Впрочем, ему этого вполне хватало.

Чанся как раз подшивал края носового платка. Если брать медовый финик руками, пальцы неизбежно покроются липким сахаром и испачкают новый платок, поэтому он и воспользовался деревянной ложечкой.

Он сидел у самого порога, ловя скудные капли света. Время близилось к вечеру, и в комнате становилось всё темнее. Сделав последний стежок, Чанся закрепил нить, растёр уставшие глаза, а затем помассировал затёкшую шею.

Дверь в комнату была приоткрыта, и косые капли дождя нет-нет да залетали внутрь, отчего небольшой клочок пола у порога уже заметно намок.

Почувствовав, что начинает зябнуть, Чанся отложил шитьё. Он собирался закрыть дверь, забраться на тёплый кан и передохнуть, заодно согрев озябшие руки под одеялом. В этот момент дверь напротив со скрипом приоткрылась. Чанся поднял голову и тут же столкнулся взглядом с Пэй Яо.

Сквозь полупрозрачную завесу мелкого дождя Пэй Яо весело помахал ему зажатой в руке вещицей. Чанся был молод, зрение его не подводило, и он отчётливо разглядел в ладони юноши деревянную фигурку жёлтой птицы, держащей в клюве цикаду.

Пэй Яо стоял под навесом крыши. Он обернулся и заглянул в главный зал — там никого не было. В такую холодину папа и остальные члены семьи предпочитали не выходить из своих

комнат. Окна в восточном и западном флигелях тоже были наглухо закрыты, чтобы сырость от дождя не проникла внутрь дома.

Юноша уверенно шагнул под дождь и, сделав всего пару размашистых шагов своими длинными ногами, в миг оказался у порога Чанся. Тот не успел и глазом моргнуть, как парень, обдав его свежим порывом ветра, уже вырос прямо перед ним.

Пэй Яо бросил мимолётный взгляд на корзинку с простыми платками и между делом спросил:

— Закончил?

— Да, как раз подшил край, — кивнул Чанся.

От холодного ветра одежда стоявшего у порога Пэй Яо успела слегка намокнуть. Заметив это, Чанся мягко пожурил его:

— Живее возвращайся к себе, дождь ведь во все стороны хлещет.

Пэй Яо снова покосился на окно западной комнаты, но оттуда не доносилось ни звука. Ничего не ответив, он слегка подтолкнул Чанся внутрь и сам юркнул вслед за ним в комнату.

Чанся мгновенно вспомнил, что этот бесстыдник вытворял в прошлый раз, и не на шутку разволновался.

— Чего ты испугался? Я не стану тебя целовать, — вполголоса успокоил его Пэй Яо.

Увидев, что лицо у парня вполне серьёзное, Чанся немного унял дрожь в сердце и спросил:

— Тогда зачем ты зашёл?

— Да вот, показать тебе хотел, — Пэй Яо протянул ему фигурку. Слегка приподняв бровь, он с гордостью добавил: — Скажи, эта цикада ведь получилась лучше прежней?

Чанся чуть повернулся к двери, чтобы при тусклом уличном свете получше рассмотреть поделку.

Из-за затянувшегося дождя идти было некуда, приходилось безвылазно сидеть дома, и Пэй Яо изнывал от скуки вот уже два дня.

Заметив, как увлечённо Чанся разглядывает вещицу, каким мягким и безмятежным кажется его профиль в полумраке, как слегка поджаты его губы — нижняя, ни тонкая, ни полная, выглядела такой нежной, — Пэй Яо почувствовал, как потемнел его собственный взор, а кадык судорожно дернулся.

Пытаясь скрыть внезапное смущение, Пэй Яо заговорил без умолку:

— Всё остальное вырезать довольно просто, а вот с крыльями цикады пришлось повозиться. В природе они прозрачные, но из дерева такую тонкость не воссоздашь. Пришлось вырезать узоры прожилок на крылышках, а потом покрасить их, чтобы сразу было понятно — это крылья.

Чёрная цикада и впрямь угадывалась без труда, парень даже отчётливо выделил два выпуклых чёрно-коричневых глаза. Конечно, от настоящей цикады она отличалась, но сходство было заметным, и вещица выглядела невероятно забавно и живо.

Чанся ничего не смыслил в резьбе по дереву, но, слушая парня, в глубине души искренне восхитился его мастерством и богатым воображением. Обычный брусок дерева в руках Пэй Яо за несколько дней мог превратиться в любую птицу, насекомое или зверька — разве это не чудо?

Пэй Яо взял из его рук жёлтую птицу и указал на несколько тонких продольных трещин на её брюшке:

— Это я просто руку набивал, деревяшка попалась паршивая, снизу немного треснула. Так что думай сам — хочешь себе оставь, хочешь кому-нибудь подари, мне без разницы.

Прошлую деревянную цикаду Чанся отдал Пэй Юйляну и в тот же день честно рассказал об этом Пэй Яо. В этом не было ничего такого, ведь та фигурка всё равно считалась испорченной, к тому же её не покрывали маслом и не красили. Изначально Пэй Яо хотел забросить ту цикаду в печь, но вспомнив, что в комнате Чанся до сих пор хранятся уродливые поделки, которые он вырезал несколько лет назад, просто отдал её юноше. Если разлюбит — пусть выбросит, делов-то, он этих цикад сколько угодно нарезать может.

Разглядывая мелкие трещинки на брюшке птицы, Чанся одновременно заметил и бледные шрамы на руках Пэй Яо. Тот постоянно работал резцами, долотом и прочими острыми инструментами, а поскольку деревянные заготовки были крошечными, их приходилось то и дело крутить в пальцах, так что порезы и царапины были для него привычным делом. И хотя сейчас его мастерство стало куда совершеннее, порой он всё равно по неосторожности ранил руки. Некоторые шрамы уже затянулись и побледнели, их можно было различить, только если присмотреться поближе.

У Пэй Яо были длинные пальцы и широкие ладони, а кожа на них была такой же светлой, как и на предплечьях. Однако от многолетнего физического труда его руки нельзя было назвать нежными. Суставы его пальцев были крупными, отчего во всём облике его рук сквозила некоторая грубость. Но это не портило их, напротив, от них веяло силой и надёжностью.

Чанся перевёл взгляд с рук Пэй Яо на саму фигурку. Он опустил голову и промолчал, сжимая в одной руке желтую птицу, а пальцами другой неосознанно поглаживая её хвост.

В комнате воцарилась странная, звенящая тишина, заставившая обоих умолкнуть. Пэй Яо сглотнул, затаив дыхание, и бог весть о чём подумал в этот миг.

Вид этих натруженных рук пробудил в памяти Чанся воспоминания. Тот случай во дворе, когда Пэй Яо сжал его щеки... Хотя это длилось всего мгновение, он до сих пор отчетливо помнил ощущение его шершавой ладони на своей коже. Тёплая, совсем не гладкая... Но почему-то оставившая после себя странное чувство защищённости и покоя.

Чанся не мог объяснить самому себе, что с ним происходит; это пугало его и одновременно манило. Ему стало невыразимо стыдно, и чем дольше он думал об этом, тем ниже опускал голову, безумно боясь, что кто-то узнает о тех грязных и порочных мыслях, что копошились у него внутри. У Чанся даже покраснели уголки глаз от стыда за собственное бесстыдство, ему едва не хотелось расплакаться. Желать, чтобы мужчина прикасался к твоему лицу... пусть даже этот мужчина — Пэй Яо, всё равно это было низко и уродливо.

Он украдкой поднял глаза на Пэй Яо. Правильные, благородные черты лица, прямая переносица, ясный и чистый взор — парень казался таким честным и статным. А он сам...

Чанся совсем пал духом. И пока он втайне корил себя за порочные помыслы, его подбородок

вдруг бесцеремонно перехватили чужие пальцы.

Пэй Яо стремительно наклонился и, поймав его пухлую нижнюю губу, о которой грезил всё это время, мягко впился в неё поцелуем. Его кадык резко дернулся, и в тишине комнаты раздался отчётливый, сводящий с ума звук сглотнутой слюны.

— М-м... — попытался вырваться Чанся, но его руки и ноги были намертво прижаты к телу, а в следующий миг чужой язык уже настойчиво раздвинул его беззащитные губы.

*

Осенний дождь уныло шуршал за окном, сухие листья падали на землю и тут же пропитывались ледяной влагой.

Дверь западного флигеля была плотно закрыта. Пэй Яо уже ушёл.

Чанся сидел, привалившись к краю кана и укрыв ноги тонким одеялом. Пылающий румянец на его щеках никак не желал проходить, а сам он сидел в полном ступоре, бессмысленно глядя перед собой. Одиночество и тоска, принесённые холодным осенним дождем, бесследно испарились.

К счастью, папа ничего не заметил. В душе Чанся закипала лёгкая обида, но он даже злиться толком не умел, поэтому лишь молча переживал всё в себе. И только спустя долгое время тихонько выругался про себя, обозвав Пэй Яо бесстыжим негодяем.

Восточный флигель.

Пэй Яо с силой потер лицо ладонями, вид у него был изрядно растрёпанный. Стоило пойти дождю, как вокруг воцарилась сырость, никакая работа не ладилась, девать бьющую через край силу было решительно некуда, отчего и внутренний жар никак не желал униматься.

Он довольно долго пытался прийти в себя, его дыхание всё ещё оставалось обжигающе горячим, и ему лишь с трудом удалось подавить это первобытное, яростное вожделение, вспыхнувшее в груди.

Где-то на дне души шевельнулось запоздалое раскаяние: он немного побаивался, как бы Чанся не пожаловался папе на то, что он снова взялся за старое. Побои — это ещё полбеды, а ну как папа рассердится и решит отложить их свадьбу на неопределенный срок? Однако стоило ему вспомнить податливые, мягкие губы и сладкий, нежный язычок юноши, как всякое раскаяние тут же улетучилось.

Ну да, он немного нарушил слово, но если подумать — никто ведь не заставлял его давать клятву, что он ни за что не прикаснется к Чанся. Сегодня он оступился, но это точно в последний раз.

«Ради великой цели можно и потерпеть мелкие невзгоды, — рассудил про себя Пэй Яо. — Лучше смирно пережить зиму и новогодние праздники. Глядишь, папа увидит, что я веду себя прилично, и позволит сыграть свадьбу уже будущей весной». Он твердо решил для себя больше не допускать промашек, чтобы родные не подумали, будто он относится к Чанся излишне ветрено и легкомысленно.

*

В мгновение ока пролетела осень, и на пороге показалась зима.

Бурая кора деревьев, пожухлая земля — зимнее увядание пришло точно в срок. Несколько крестьянских дворов утопали среди раскидистых деревьев, полностью сбросивших листву. Небо над головой сияло чистой синевой, напоминая огромный драгоценный сапфир. К небу ровными струйками тянулся сизый дым из печных труб.

На крышу дома опустилась стайка воробьев. Они весело прыгали и шумно чирикали; внезапно, словно повздорив из-за какой-то чепухи, две птицы затеяли нешуточную драку, яростно нападая друг на друга с помощью крыльев, когтей и клювов. В один миг этот крошечный пятачок на крыше превратился в поле боя, откуда во все стороны полетели перья. Остальные воробьи заворуженно наблюдали за потасовкой, склонив головы набок, а некоторые, не на шутку перепугавшись, поспешно взмахнули крыльями и улетели прочь.

Для самих воробьев эта драка, без сомнения, была делом жизненной важности. Однако для людей, живущих своей большой и сложной жизнью, эта птичья суета оставалась совершенно незаметной.

Во дворе белый пёс повёл ухом и настороженно уставился на крышу.

В главном зале мерно и оглушительно грохотал ткацкий станок: «Кванг-донг, кванг-донг». Из кухни доносился drobный стук ножа — там резали овощи.

Шкворчание!..

Ароматные ломтики мяса опустились в раскаленный котел. Спустя пару мгновений по всему дому разнесся упоительный аромат. Чэнь Чжи выложил на блюдо жареное мясо с сушёными побегами бамбука и крикнул в сторону двора:

— Обедать пора!

Воробьи на крыше тут же вспорхнули и улетели. Стук ткацкого станка затих.

Раздувающий огонь Чанся поднялся с колен и приоткрыл крышку котла. Он замахал ладонью перед лицом, разгоняя густые клубы белого пара. В котле томился белоснежный рис, там же разогревались пышные белые маньтоу, а на самом дне исходил соком наваристый бульон на мясных костях.

Чанся выставил на стол глубокую миску с рисом, сдвинул в сторону решётку с маньтоу и, наварив полную плошку бульона с сочными кусками мяса, водрузил решётку обратно на котел. Сначала они съедят рис, а если кто не наестся — всегда можно взять маньтоу, которые останутся пышущими жаром.

Сегодня стол ломился от яств: тарелка жареного мяса с бамбуком, миска тушёной капусты с тофу, жареная редька соломкой, тушёная соевая спаржа, а вдобавок ко всему — огромная миска мясного супа с косточками. Четыре блюда и суп — обед выдался на редкость роскошным.

Когда вся семья заняла свои места за столом, никто не стал тратить время на пустые разговоры — все дружно взялись за палочки. Чэнь Чжи и Доу Цзиньхуа то и дело подкладывали лучшие куски мяса в миску Пэй Юва, уговаривая его есть побольше. Пэй Яо, который обычно при виде мяса терял голову от радости, на сей раз скромничал и налегал в основном на капусту да редьку. Чанся следовал его примеру.

Стоило им пообедать, как Пэй Юва должен был запрячь телегу и отправиться в путь. Впереди его ждал целый месяц странствий, так что перед дорогой дома его обязательно нужно было накормить досыта.

— Еды предостаточно, мне точно хватит, не беспокойтесь обо мне, — с улыбкой осадил родственников Пэй Юва.

Только после этого Чэнь Чжи и Доу Цзиньхуа наконец принялись за собственную еду.

Мясных костей на всех не хватало, зато наваристого бульона было хоть отбавляй. Чанся и Пэй Яо зачерпнули по паре больших ложек; ароматный бульон, смешанный с рассыпчатым рисом, был невероятно вкусен.

Окончив трапезу, Чанся не стал сразу мыть посуду. Пэй Цзаоань и Пэй Яо вышли во двор, чтобы запрячь ослиную повозку. Их старый осёл уже давно не годился для дальних поездок, поэтому для торговли они выбрали молодого и крепкого зверя — он был крупнее, да и ноги его ступали куда увереннее.

Чэнь Чжи заранее собрал вещи и постельные принадлежности для Пэй Юва. Вместе с Доу Цзиньхуа они вынесли тюки во двор и бережно уложили их на телегу. Провизию в дорогу брать не требовалось — все расходы на еду полностью брал на себя Чжао Ляньсин.

Убедившись, что всё готово, Пэй Юва не стал попусту терять время. Он плотно завязал шапку, взял осла под уздцы и повёл повозку со двора. Семья проводила его до самых ворот, и он на прощание махнул рукой:

— Возвращайтесь в дом, я поехал!

Каждый год в эту пору он уезжал на заработки, так что дело было привычным. Пэй Юва поудобнее устроился на передке телеги, зычно крикнул на осла, и повозка ходко покатилась прочь, постепенно скрываясь из виду.

Деревня Чжаоли находилась неподалеку, но нужно было поторапливаться, чтобы поскорее добраться до дома Чжао Ляньсина. В таких делах лучше приехать пораньше, чем опоздать, иначе пиши пропало. Стоит одному замешкаться на минуту, другому припоздать на четверть часа — и до темноты до места ночлега уже не добраться.

Лишь когда телега окончательно растаяла вдали, Чэнь Чжи и остальные повернулись и вошли в дом. Доу Цзиньхуа, как всякая мать, не могла не тревожиться за сына: бог весть, какова будет дорога в этом году, да и пойдет ли торговля как надо. Хорошо хоть, что в этот раз он выехал пораньше — глядишь, вернется ещё до середины следующего месяца, не придется тянуть до конца года, и перед праздниками он успеет хорошенько отдохнуть дома.

Пэй Цзаоань в дом проходить не стал. Он присел на завалинке у порога и, прищулив глаза от дыма, с удовольствием затянулся крепким самосадом из трубки.

На сердце у Чэнь Чжи тоже скребли кошки, но он давно уже привык к этим зимним разлукам. К тому же в путь отправлялась артель из восьми-девяти крепких мужиков, все как один — тёртые калачи с огромным опытом за плечами. Да и времена нынче стояли мирные, тихие; слава богу, ни о засухах, ни о наводнениях в округе слышно не было, так что дорога обещала быть спокойной.

На днях Пэй Юва обмолвился, что Чжао Ляньсин предложил им в этом году отказаться от

привычной торговли дровами и таёжным промыслом. Они собирались налегке докатить до самого городка Цзиньмэй, чтобы закупить там партию сушёной сливы. По сравнению с копеечной перепродажей дров, торговля южной сливой на севере сулила куда большую выгоду. Если и не пять лянов серебра, то два-три ляна чистой прибыли в этот раз они точно должны были привезти.

Чэнь Чжи мысленно подсчитывал семейные сбережения — на то, чтобы накрыть несколько праздничных столов для свадьбы, денег должно было хватить с лихвой. У Чанся не было родной семьи, так что тратиться на выкуп или подарки для родни не требовалось. Они собирались просто провести обряд поклонения небу и предкам дома, без лишней пышности. Собственно, тех денег, что уже лежали в сундуке, вполне хватало на эти нужды.

Этой зимой нужно было поспешить и сшить свадебное одеяло, да и обычных новых одеял подновить не мешало. А весной, даст бог, купят красной ткани, сошьют два праздничных наряда, и к лету, выбрав самый благодатный день по календарю, можно будет сыграть свадьбу.

Наводя порядок в загоне для скота на заднем дворе, Чэнь Чжи в одиночестве строил планы на будущее, и в его голове постепенно складывался четкий порядок действий. Поделиться этими мыслями с Доу Цзиньхуа было можно, а вот Пэй Яо говорить пока ничего не стоило — этот негодник от радости невесты что натворит, только лишняя головная боль.

В эту зимнюю пору безделья он ни за что не позволит Пэй Яо валять дурака, ловить птиц да бегать за собаками. Пусть отправляется в горы за целебными кореньями или режет свои деревяшки — до свадьбы он обязан заработать побольше денег и сдать их в семейную казну.

Доу Цзиньхуа снова уселась за ткацкий станок, и по дому разнёсся привычный монотонный стук.

Пэй Яо уложил в бамбуковую корзину топор, нож для рубки хвороста и моток толстой пеньковой веревки. Убедившись, что во дворе никого нет, а Чанся занят мытьем посуды у порога кухни, он подошёл к нему и тихо сказал:

— Я в горы, поищу подходящее дерево для резьбы.

— Хорошо, — кивнул Чанся.

Они на мгновение встретились взглядами, после чего Чанся поспешно опустил голову, да и Пэй Яо почувствовал неловкость и торопливо отвёл взор.

После того случая, когда он тайком поцеловал его... Пожалуй, тот поцелуй выдался куда более неистовым, чем все предыдущие. Их тела были так плотно прижаты друг к другу, что любые, даже самые мимолетные движения ощущались во всех красках.

Пэй Яо тогда так крепко сжимал и покусывал его нижнюю губу и язык, что Чанся поневоле приходилось держать рот приоткрытым. Ему было настолько стыдно за это, что он даже в собственных снах не смел воскрешать те мгновения. С того самого дня между ними воцарилась странная, томительная неловкость.

Пэй Яо ушёл, и Чанся стал мыть посуду заметно медленнее. Поймав себя на том, что снова витает в облаках, он поспешно прикрикнул на себя внутренне и зашевелился быстрее.

В печь под котлом подбросили дров — пришло время варить похлёбку для свиней. Сидя перед пышущим жаром зевом печи, Чанся вспомнил слова папы. Тот говорил, что через несколько

дней, когда ударят настоящие холода, нужно будет поймать свиноматку, связать её, погрузить на телегу и отвезти в город на продажу. В мороз мясо хранится долго, не привлекает мух и не портится, так что мясники охотно скупают лишний скот. К тому же зимой людям хочется чего-нибудь пожирнее, чтобы согреться и легче пережить холода, поэтому жирная свинина в городе в зимнюю пору разлетается на ура.

Сегодняшний обед выдался на славу, в котле ещё оставалась целая миска наваристого бульона и несколько сочных косточек. Чанся знал, что когда отец вернется из торговой поездки, дома снова устроят такой же пир с обилием мяса. Есть мясо, конечно, любят все, но его мысли невольно унеслись далеко-далеко...

Область Мэйчжу.

Пэй Юва каждую зиму отправлялся с Чжао Ляньсином на промысел, и каждый раз их путь лежал именно в область Мэйчжу. Чанся смутно помнил, что сам он родом из деревни Далю, что примостилась возле волости Юньцзи в той самой области Мэйчжу.

Детские воспоминания уже почти стерлись из памяти. Он никак не мог вспомнить лица старшей сестры и младшего брата, позабыл, как выглядели бабушка и тот человек, которого звали «отцом». И даже образ родной матери со временем растаял в его голове. Волость Юньцзи была ему незнакома, и лишь само название «область Мэйчжу», которое из года в год звучало в этом доме, казалось привычным и родным.

Деревня Далю осталась где-то в невообразимой дали, напоминая призрачный, зыбкий сон. Он помнил лишь несколько огромных ив, росших на въезде в деревню. Их стволы были такими толстыми, а свисающие ветви — такими густыми и длинными, что когда они в детстве играли под ними, стоит только подняться на ноги, как ивовые косы обязательно принимались ласково хлестать по лицу и плечам.

В детстве Пэй Яо очень любил слушать рассказы отца о дальних краях, и отец всегда поминал огромную реку Цинюнь, что пролегла между областями Яньцю и Мэйчжу. Та река была невероятно широкой, её водная гладь уходила за самый горизонт, словно ей не было конца и края. Почти все воспоминания о том долгом пути со временем поблекли; Чанся не мог вспомнить, какие земли они миновали и каких людей встречали на своем пути. В его памяти осталась лишь та огромная река, которую им довелось переплыть. Воды там было так много, а глубина была столь пугающей, что даже огромные речные суда шли по ней с величайшей осторожностью.

Горящее полено с треском раскололось, и Чанся очнулся от своих мыслей. Увидев, что дрова почти прогорели, он поспешно подбросил в топку новую охапку хвороста.

*

Ткацкий станок в доме Пэй трудился без устали с утра до ночи. Чэнь Чжи и Доу Цзиньхуа стали заметно реже ходить в гости к соседям; они прикладывали все силы, чтобы успеть до наступления Нового года соткать побольше холстов и выкрасить их в нужные цвета. Но главным делом, конечно же, оставалось свадебное одеяло. Чэнь Чжи подумывал нанять двух искусных деревенских мастериц, чтобы те со всей тщательностью вышили на пододеяльнике узор с парой уток-мандаринок, сулящих семейное счастье.

По сравнению с нанесением узоров, ткачеством и прядением ниток, шитьё самого одеяла было делом нехитрым и быстрым. Главное — заготовить ткань для лицевой стороны и раздобыть побольше хорошего хлопка, а сшить всё воедино можно дома в любой удобный момент.

Чанся ни на шаг не отставал от старших: целыми днями он то сучил нити, то пряд, то садился за станок, не зная отдыха. Выкроив немного свободного времени, он даже успел сшить нарядный красный платок, украсив один из его уголков вышитым бутоном пиона. Такой яркий, праздничный платок предназначался для Ян Сяотао, которая тоже со дня на день должна была выйти замуж.

У деревенских ребятишек отродясь не водилось собственных сбережений, да и украшениями они богаты не были. Когда близкая подруга выходит замуж, даже при всём желании сделать хороший подарок, единственное, что можно преподнести от чистого сердца — это новый платок ручной работы или расшитый мешочек для благовоний.

Солнце скрылось за густыми тучами, и дневной свет заметно померк. С севера потянул резкий, ледяной ветер, отчего незапертая дверь деревянного сарая принялась оглушительно хлопать.

Чанся вышел на крыльцо, убрал во двор топор и занёс в дом бамбуковые плетухи, на которых сушились целебные травы. После этого он наглухо запер окна и двери в сарае. Посмотрев на небо, затянутое тяжелыми свинцовыми тучами, он подумал, что к ночи, пожалуй, пойдет первый снег.

Из-за ворот прибежал белый пёс. Завидев юношу, он радостно завертел хвостом и принялся ластиться к его ногам. Чанся бросил взгляд на калитку — дедушка и Пэй Яо всё ещё не вернулись.

Дед с внуком ушли в горы на поиски купены. На днях в деревню заезжали закупщики из городской аптечной лавки; они обмолвились, что недели через две наведаются снова. В эту пору корни купены наливаются самой силой; если успеть выкопать их и хорошенько просушить, к следующему приезду купцов можно будет выручить за них неплохие деньги.

Утром солнце светило вовсю, и уходя Пэй Цзаоань обмолвился, что хотел бы попытать счастья и поискать корень горца многоцветкового — знаменитый хэшоуу (горец многоцветковый), поэтому собирался забраться в горы подальше. Эти места он знал куда лучше Пэй Яо, ведь за его плечами были десятки прожитых лет, и он прекрасно помнил, в каких укромных уголках чаще всего селится эта капризная трава. Впрочем, в таком деле уповать приходилось в основном на удачу: они ведь не были профессиональными травниками, зарабатывающими этим на жизнь, и смыслили в аптекарском деле лишь самую малость.

В самых глухих и дремучих лесах, раскинувшихся в глубине гор, можно было отыскать и драгоценные грибы линчжи. Деревья там стояли вековые, и на их древних стволах порой селились поистине бесценные сокровища.

В прежние годы дедушке довелось однажды сходить туда в компании знающих людей; они провели в глухой чаще два дня и вынесли оттуда богатую добычу. Однако старик трезво оценивал свои силы: в одиночку туда соваться нечего, стоит лишь сделать шаг в незнакомый дремучий бор — и можно запросто сгинуть навсегда. Тот случай был чистой удачей, он просто пристроился к знающим людям и немного подзаработал. Свои заветные секреты поиска трав и чтения лесных троп те мастера, разумеется, раскрывать ему не стали.

В тот раз у одного из постоянных спутников того травника случилась какая-то беда, и он не смог пойти в горы, вот мастер и позвал Пэй Цзаоаня с собой — просто для подстраховки, чтобы в лесу было на кого опереться. Ведь поход в глухие горы таил в себе немало опасностей, и угроза исходила не только от дикой природы: ради наживы люди порой шли на любые преступления. А тот травник выбрал Пэй Цзаоаня, во-первых, из-за дальнего родства, а во-

вторых, потому что ценил его за неизменную честность и порядочность.

Пэй Цзаоань от природы был человеком скромным и приземленным. Он твердо знал, что жизнь куда дороже любых сокровищ, и даже разбогатев однажды, не позволил легким деньгам вскружить себе голову.

На ближних склонах гор редких и дорогих трав почти не водилось, зато обычных лекарственных корешков было в избытке. Жили они тогда хоть и бедновато, но с голоду не помирали, так что нужды рисковать головой понапрасну не было. Именно во время того давнего похода мастер мимоходом рассказал ему о повадках корня хэшоуу; старик крепко намотал эти слова на ус и позже действительно ухитрился время от времени находить заветные корешки.

Что же касается поиска куда более редких и ценных снадобий — ну так люди не стали делиться своими секретами, и обижаться на это не стоило, всё было по справедливости.

Очередной порыв ледяного северного ветра с воем пронесся над крышей. Чанся поспешил укрыться в главном зале, а белый пёс, задрав хвост, послушно засеменил вслед за ним.

Стоило приоткрыть дверь, как в дом ворвался холодный сквозняк. Услышав, как Доу Цзиньхуа шумно втянула сквозь зубы воздух от внезапной прохлады, Чанся поспешно захлопнул дверь за собой.

Занятый ткачеством Чэнь Чжи спросил, не прерывая работы:

— Что, солнце совсем зашло? В комнате как-то разом стемнело.

Чанся отозвался:

— Да, поднялся сильный ветер, и тучи закрыли солнце. Зажечь лампу?

— Не надо, пока ещё всё видно, — Чэнь Чжи пожалел масла.

Он ловко прокинул челнок сквозь нити основы, и станок снова мерно застучал: «Кванг-донг, кванг-донг».

Доу Цзиньхуа сидела за прялкой; это дело было куда легче тонкого шитья и не так сильно утомляло глаза. Чанся налил им обоим по чашке горячего чая, а затем поворошил угли в жаровне, чтобы они разгорелись ярче и теплее.

Старый пес уже дремал у самой жаровни. Вошедший белый песик устроился рядышком; погревшись немного у огня, он, разомлев от тепла, тоже сладко зажмурился и заснул. По ночам этим двоим предстояло нести охранную службу, так что хоть они и заняли половину места у жаровни, прогонять их на улицу никто не собирался.

В холода жизнь становилась суровее, и кое-кто из лихих людей мог решиться на отчаянный шаг. С тех пор как их семья отстроила новый просторный дом, в деревне их волей-неволей начали скрипя зубами называть зажиточными хозяевами. Кто знает, не затаил ли какой лихой человек дурную мысль, поглядывая на их добро? Днем бояться было нечего, а вот ночью следовало держать ухо востро, так что верные псы в доме были как нельзя кстати.

Поскольку за станок Чанся сейчас сесть не мог, он взял в руки недошитую подмётку и принялся усердно простегивать её толстой иглой. Это были заготовки для новых теплых

зимних башмаков на вате — к праздникам обновки полагались каждому члену семьи, а плотная многослойная основа из тряпичных лоскутов была заготовлена ещё с осени.

Праздничные наряды каждый год шить не полагалось — достаточно было обновлять одежду раз в два-три года, а вот обувь обходилась семейной казне куда дешевле. В прошлом году они обувку не шили, так что в этом можно было и побаловать себя.

Пока они втроем были заняты делом, белый пес вдруг резко вскинул голову. Он не стал лаять, а лишь дружелюбно завертел хвостом. Из-за холода дверь была плотно заперта, так что выбегать во двор он не решился, лишь тихонько заскулил и снова улегся на место.

Чанся сразу понял — это дедушка с Пэй Яо возвращаются. И действительно, не прошло и минуты, как входная дверь отворилась.

— Ну и ветрище северный поднялся, холодина — жуть! — проговорил Пэй Яо, торопливо сбрасывая с плеч тяжелую бамбуковую корзину.

Лицо старого Пэй Цзаоаня изрядно покраснело от мороза. Он усердно потер ладони одна о другую и поспешил к жаровне, чтобы отогреть замерзшие пальцы; в сполохах тлеющих углей его глубокие морщины казались ещё отчетливее.

Чанся налил им обоим по глубокой плошке обжигающе горячего чая, а затем сходил в восточную комнату и вынес оттуда тарелку со сладким османтусовым печеньем. Это лакомство было мягким и нежным, в отличие от остывших лепешек или маньтру, которые на морозе становились жесткими как камень.

Заметив у порога деревянный таз с водой, Пэй Яо спросил:

— Вода чистая?

Чанся кивнул:

— Да, чистая, я только руки сполоснул. Она уже остыла, давай я тебе ковшик горячей принесу из котла?

— Не надо, — Пэй Яо присел на корточки и без лишних слов принялся мыть руки прямо ледяной водой.

Старый Пэй Цзаоань изрядно проголодался в лесу, так что ему сейчас было не до разговоров. Он первым делом отправил в рот кусочек печенья, сделал два больших глотка горячего чая и, не дожидаясь, пока внук возьмет слово, сам не выдержал и таинственным шёпотом произнес:

— Сегодня нам улыбнулась удача. Выкопали-таки!

Чэнь Чжи и Доу Цзиньхуа как по команде замерли, побросав свою работу. Чэнь Чжи поспешно воскликнул:

— Отец! Я гляжу, вы сегодня что-то рано вернулись, думал, вы только купены немного накопили.

Пэй Цзаоань степенно пояснил:

— Мы поначалу так и собирались — сначала купену добыть, а уж потом хэшоуу искать. Но стоило нам подняться на склон, как я подумал: пока светло, лучше сразу пойти на заветные

места горца, а купену мы и на обратном пути у тропы накопать успеем. И что бы вы думали? Побродили мы чуть больше часа — и наткнулись на гнездо!

На лице Пэй Яо заиграла довольная улыбка. Вытирая руки полотенцем, он подмигнул Чанся:

— Загляни в корзину, они там.

Чанся с любопытством подошел к бамбуковой плетухе. Он убрал верхний слой сухой травы и обомлел: на самом дне лежало несколько крупных темно-бурых корневищ, на которых ещё не высохла свежая лесная земля, а засохшие стебли и листья желтели рядом.

Чэнь Чжи и Доу Цзиньхуа тут же обступили корзину; они бережно передавали корни из рук в руки, и в их глазах читалось неподдельное изумление:

— Надо же, какие огромные!

Всего корней оказалось пять штук: одни были продолговатыми, другие по форме походили на клубни дикого ямса. Самый крупный из них оказался толщиной с кулак Чанся; на ощупь он вовсе не напоминал высохшую деревяшку, что говорило о том, что корень налился самой силой в самый лучший срок.

В доме воцарилось праздничное, радостное оживление. В прошлый раз им доводилось находить хэшоуу три года назад, но тогда даже самый большой корень уступал нынешнему великану.

Пэй Цзаоань съел ещё кусочек печенья, допил чай и, почувствовав, как по телу разливается благодатное тепло, довольно промолвил:

— Сейчас мы с Яо-эром немного переведем дух и наведаемся в город. За такое добро в аптеке четыре-пять лянов серебра точно дадут.

— Вот и славно, вот и хорошо, — Доу Цзиньхуа от радости не находила слов и лишь согласно кивала головой.

Чэнь Чжи тоже так и сиял от счастья. Он бережно опустил корень обратно в корзину и, направляясь к выходу из комнаты, ласково произнес:

— Отец, я первым делом приготовлю для вас обед. Вы полдня по горам топтались, а теперь ещё в город бежать — на голодный желудок в такой путь пускаться нельзя. На дворе ветрище такой, простудиться — раз плюнуть. Сейчас я вам яичницу свежую поджарю.

Чанся поспешил вслед за ним на кухню, чтобы помочь у печи.

Пэй Яо и впрямь проголодался, да и ледяной ветер за окном отбивал всякое желание выходить на улицу. Он поудобнее устроился у жаровни, всю уплетая сладкое печенье. Лишь когда три штуки исчезли в его рту, он с удовольствием откинулся на спинку стула, вытянул свои длинные ноги и облегченно выдохнул. Он перевел взгляд на лежащие в корзине корни хэшоуу, и в его ясных, звездных глазах заплясали искорки неподдельного восторга.